

Чернофигурная ойнохоя Государственного Исторического музея

В 1891 г. во время раскопок Бобринского на северном склоне горы Митридат в одной из могил (№110) была найдена, наряду с другими предметами, разбитая чернофигурная ойнохоя¹, ныне хранящаяся в Историческом музее. Высота ойнохой равна 0,207 м, диаметр нижней части основания ножки 0,073 м, окружность наиболее широкой части тулова 0,41 м. Глина хорошо обожженная, оранжевато-коричневатого цвета, на украшенных росписью частях она покрыта прозрачной глазурью. Лак блестящий, черный, поверх него местами наложена белая краска и лиловато-коричневый пурпур. Некоторые детали исполнены процарапанной линией.

Ойнохоя имеет горло обычной формы, невысокую, сравнительно широкую шейку, раздутое в верхней части тулово, небольшую ножку и изогнутую, круглую в сечении ручку. Горло внутри и наружная поверхность ойнохой, кроме клейма на лицевой стороне тулова и плеч, а также нижней поверхности ножки, сплошь покрыты лаком. В клейме изображен обращенный вправо мускулистый нагой человек с мечом у левого бока, борющийся с могучим быком, припавшим на передние ноги и касающимся головой земли. Человек, стоя на правом колене, опутывает быка веревкой. Борьба происходит на фоне виноградных лоз; над человеческой фигурой висят лук и колчан. Детали изображения исполнены белой краской² и процарапанной острым инструментом линией³. Клеймо обрамлено вверху небрежно исполненными язычками, с боковых сторон — двойным рядом небрежно исполненных квадратов между двумя парами вертикальных линий и, наконец, снизу — обходящей все тулово сосуда пурпуровой полосой. Такие же пурпуровые полосы проходят по перехвату между туловом и ножкой, а также между боковой и верхней поверхностями основания ножки.

Сохранность ойнохой заставляет желать лучшего: сосуд разбит и склеен из большого числа фрагментов, причем часть их утрачена⁴; из росписи пострадали, главным образом, нижняя часть человеческой фигуры, а также шея и голова быка. Кроме того, имеются сбой и потертости глины и лака.

Определение сюжета изображения на рассматриваемой нами вазе не может вызвать особых затруднений. Мотив борьбы с быком нередко встречается на памятниках античного искусства. На вазах этот мотив представляет подвиг одного из героев: Геракла, Тезея или Язона. Схема изображения борьбы дает весьма мало для определения героя; поэтому решающее значение должны иметь его атрибуты. Присутствие колчана и лука, висящих над его фигурой, заставляет без колебания усмотреть в нем Геракла⁵, ибо

¹ ОАК, 1891, стр. 28; М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, 1925, стр. 186.

² Пятна на теле быка, перевязь колчана, конец ножен меча и ягоды виноградных гроздей.

³ Человеческая фигура, бык, лук и колчан.

⁴ В настоящее время на плечах вазы имеется вставка из чернолакового фрагмента другого сосуда.

⁵ Такое же определение дано в ОАК, 1891, стр. 28 и у М. Ростовцева, Скифия и Боспор, стр. 186.

Наличие меча у героя не должно служить препятствием определению его как Геракла; см., например, изображение Геракла, борющегося с быком: Reinach, Répertoire des vases peints, II, стр. 225, 2 и René Menard, La vie privée des anciens, Paris, 1882, стр. 568, рис. 701, согласно Рейнаку и вопреки Менару Corpus vasorum antiquorum, U. S. A. Gallatin Collection, табл. 3, №№ 3; 4. Другие примеры изображения Геракла, вооруженного мечом, см. Pfuhl, Malerei u. Zeichnung d. Griechen, III, стр. 95, рис. 226; стр. 110, рис. 371; стр. 123, рис. 395; стр. 128, рис. 401; стр. 158, рис. 453; Furtwängler und Reichhold, Griechische Vasenmalerei. München 1900, табл. 73; Reinach, ibid. I, стр. 150; 4.

О близости изображения Геракла и Тезея см. P. Jacobstahl, Theseus auf dem Meeresgrunde. Leipzig, 1911, стр. 6.

упомянутое оружие не свойственно ни Язону¹, ни Тезею; атрибутами последнего при борьбе с марафонским быком обычно являются меч², а иногда, кроме того, и шлем³, висящие на дереве, недалеко от места боя.

Наличие бороды у героя также свидетельствует, в пользу определения его как Геракла, ибо Тезей обычно изображается безбородым.

Среди упомянутых аналогий многие сходны, по схеме изображения борьбы героя с быком, с рисунком нашей ойнохой, наиболее же близки в этом отношении росписи двух поздних чернофигурных ваз, неаполитанской⁴ и из собрания Эрбаха⁵.

Перейдем теперь к определению времени и места происхождения нашего памятника. Достаточно самого беглого взгляда на форму сосуда, общий стиль росписи, цвет глины и лака, чтобы убедиться в несомненно аттическом происхождении ойнохой. По своей форме, пропорциям и размеру наш памятник находит сравнительно близкие аналогии среди аттических поздних чернофигурных ойнохой⁶, несколько выделяясь своей упругой, крепкой формой, столь эластичной и сочной⁷. У ваз этого круга нередко такой же общий принцип распределения росписи⁸, как и у нашей ойно-

¹ Мы не считаем нужным серьезно рассматривать вопрос о возможности истолковать героя, представленного на нашем памятнике, как изображение Язона. Такого рода изображения связаны с очень свободной передачей мифа (Purgold, *Iason im Stierkampf*, «Arch. Zeitsch.» XLI (1883), стр. 170), согласно которому Язон укротил не одного, а двух быков (Daremberg et Saglio II, 1, 616). Они опознаются по окружающим героя фигурам (главным образом, волшебнице Медее, помощь которой дала возможность Язону совершить его подвиг) и встречаются значительно реже, чем изображения Геракла или Тезея, борющихся с быком и, кроме того, обычно относятся к более позднему времени, чем рассматриваемый нами памятник; ср. напр. вазу из Ruvo: Purgold, «Arch. Zeitsch.» XLI (1883), стр. 166—169, табл. 11 (Reinach *ibid.*, I, 449, 1); вазу из Пантикапея: «Древности Боспора Киммерийского». СПб., 1854, табл. XIII, № 2 (Reinach, *ibid.*, I, стр. 421, 1); в изображенном на ней герое мы усматриваем Язона, а не Тезея согласно с Пургольдом («Arch. Zeitsch.» XLI (1883), стр. 163—164), Ленердтом (Lehnerdt, *Herakles und Acheloos*, «AZ» XLIII (1885), стр. 117—118) и Ингерслебеном (Фесей или Язон. «Зап. Класс. Отд. имп. Росс. Арх. Общ.», т. XI, стр. 3 сл.) и вопреки Стефани («Древности Боспора Киммерийского», текст, II, стр. 65—66 и *Vasensammlung der Kaiserlichen Ermitage S. P.*, 1869, II, «AZ» стр. 409—410, № 2012) и Михалису (Theseus und Medeia, «AZ» XXXV (1877), 75—77). Вероятно, Язон у Daremberg et Saglio (II, 1. 616, рис. 445).

² Reinach, *ibid.*, I, 529 B; 531, 1 Pottier, *Douris*, 57, рис. 12; В. К. Штегман, Кратер Эрмитажного собрания с изображением Телефа. «Государственный Эрмитаж». Сборник, вып. 3, Ленинград, 1926, стр. 27 сл.

В изображении других подвигов Тезея меч является наиболее часто употребляемым им оружием (напр. Reinach, *ibid.*, I, 147, 3; 150, 2; 313, 4; 455, 1; 459, 2; 494, 3; 509, 5; 529, 1; B; 534, 2; II, 81, 10; 83, 1, 4; 117 A; 118, 1, A, B; 153, 3; 183, 4; 255, 2; 271, A, B; 280, 2).

³ Reinach, *ibid.*, I, 529, B; Pottier, *Douris*, стр. 57, рис. 12.

⁴ Reinach, *ibid.*, I стр., 488, 10. Довольно близки также Reinach, *ibid.*, II, стр. 55, 8; стр. 155, 1; стр. 327, 1.

⁵ Reinach, *ibid.*, I, стр. 256, 3.

⁶ Pottier, *ibid.*, табл. 86, F 354; *Corpus Vasorum Antiquorum, Belgique, Fasc. I (Bruxelles, Fasc. I)*, III. Н. е. табл. 56.

⁷ Отметим очень сочные, как бы распухшие формы тулова на чернофигурной гидрии из кургана Марафономахов Στάγς, ὁ ἐν Μαραθῶνι τύμβος, «Ath. Mitt.» XVIII, (1893), стр. 61 сл., табл. V, 1.

⁸ E. Pottier, *ibid.*, II, табл. 86, F. 345, F. 348, F. 372; Jacobstahl, *Ornamente griechischer Vasen*. Berlin, 1927, стр. 89, табл. 17d; Howard, Crosby,

кои, т.е. лаком закрашивается вся поверхность сосуда, кроме расположенного на тулове клейма с рисунком, обрамленным с боков и сверху рамкой орнамента, а по нижней части сосуда проходят пурпуровые пояски.

Мотивы орнамента, обрамляющие клеймо, также являются самыми обычными для поздних чернофигурных ваз. Так, язычки (в виде ряда вертикально изображенных

Чернофигурная ойнохоя Государственного Исторического музея

черточек) на плечах сосуда нередко встречаются на чернофигурных ойнохоях¹ V в., а равно и на вазах² других форм, относящихся к тому времени. Что же касается бокового оформления в виде двойного ряда чернолаковых пятен³, то такой орнамент обы-

Butler, Sardis, vol. I—The Excavations, Part. I, 1910—1914, Leyden 1922, стр. 178, рис. 124.

¹ E. Pottier, *ibid.*, II, табл. 86, F. 345, F. 348, F. 354, F. 372; табл. 87, F. 381, F. 382, F. 387, F. 388; C. Smith, *Actors with Bird.—Maskon vases.* JHS, II, 309, Plates, vol. I—VIII, табл. XIV, B 1, B 2.

² E. Pottier, *ibid.*, II, табл. 87: F. 380—382, F. 387, F. 388.

³ Нужно думать, что этот мотив является некоторым упрощением орнамента в виде двойного ряда чернолаковых квадратов, расположенных наподобие шахматной доски и заключенных между параллельными полосами (L a u, *Gr. Vasen*, табл. XV, 2); назначением его было также служить для бокового оформления клейма.

чен в чернофигурной вазописи V в.¹ и употребляется для орнаментации шейки² или боковых рамок клейма рисунка³ на тулове ойнохой. Нередко и два мотива (язычки и двойной ряд точек) совмещаются в одном памятнике⁴. Равным образом и рисунок в клейме,—прежде всего, исполненная сочным пятном грузная, мускулистая, массивная фигура Геракла, с могучими округлыми плечами и не столь толстыми ногами,—носит характерные особенности росписей⁵ позднего чернофигурного стиля; особенно близка она фигуре Сизифа на небольшой чернофигурной амфоре Лувра (F. 382)⁶. Как и на нашей ойнохое, весьма часто встречается на поздних чернофигурных вазах заполнение фона рисунка изображением лоз, обремененных кистями винограда, которые обычно исполняются довольно небрежно.

Принадлежность рассматриваемого нами памятника к группе аттических vaz позднего чернофигурного стиля подтверждается также сравнением ее росписи с рисунками на панафинейских амфорах⁷ соответствующего времени. Это также свидетельствует о наличии архаизирующих тенденций в росписи ойнохой Исторического музея и заставляет нас рассматривать ее как один из памятников, отражающих это направление в аттическом искусстве V в.⁸ Особенностью исследуемого памятника является не стремление вернуться к утраченным старым формам и неизбежно связанная с этим стилизация, а живое продолжение их, сохранение сочных форм сосуда и крепких, упругих очертаний фигуры героя.

Вышеизложенное дает общую датировку рассматриваемой нами ойнохой. Переходя к уточнению даты, отметим, что Луврская амфора F. 382, о близости росписи которой публикуемой вазе мы уже упоминали, должна быть отнесена приблизительно ко 2-й четверти V в.⁹:

¹ E. Pottier, *ibid*, II, табл. 85: F. 338; табл. 86: F. 345, F. 354.

² Pottier, *ibid*, II, табл. 88: F. 354.

³ Pottier, *ibid*, II, табл. 86: F. 345, F. 354.

⁴ Pottier, *ibid*, II, табл. 1, 18: A 482 табл. 86: 345, 354, Jacobstahl, *ibid*, табл. 17 а.

⁵ G. Körte, *Vasenbilder mit Abenteuer des Odysseus bei Kirke*. «AZ», XXXIV (1876), стр. 189—190, табл. 15 (Reinach, *ibid*, I, 418, 3); Pfuhl, *ibid*, III, 75, рис. 283; Rizzo, *Spigolature archeologiche*, «Röm. Mitt.», XV (1900) стр. 259, рис. 4 (Rizzo считает эту вазу более ранней); *Corpus Vasorum Antiquorum*, France, Fasc. 2 (Louvre, Fasc. 2) III, Н. е., табл. 6; табл. 8 [№№ 1—3; France, Fasc. 3 (Compiègne, Fasc. unique) III, Н. е., табл. 27, № 1; табл. 28, N 1.

⁶ E. Pottier, *ibid*, II, 133, табл. 87, F. 382.

⁷ См. например, E. Schmidt, *Archaistische Kunst in Griechenland und Rom*, München, 1922, стр. 14 сл., 72 сл., табл. I, VI; П и о т р о в с к и й, Панафинейская амфора Елисаветинского кургана. ИРАИМК III, 1924, стр. 84 сл. 100, табл. V. Ср. также *Corpus Vasorum Antiquorum*, Great Britain, Fasc. I (British Museum, Fasc. I) III Н. ф., табл. 1—6.

⁸ Bülle, *Archaistische Kunst in Griechenland und Rom*, München, 1923, стр. 5 сл.

⁹ Эта амфора относится к группе памятников, впервые обследованных S. B. Luce'ом (S. B. Luce, *The origin of the shape of the «Nolan» Amphora*. AJA XX (1916), стр. 457, № 8. О вышеприведенной датировке см. нашу статью (В. Д. Блаватский. Две чернофигурные аттические амфоры Государственного музея изящных искусств. Изв. Гос. акад. ист. матер. культ. том V (1927), стр. 133 и сл.). В означенной работе Luce'а чернофигурные амфоры ноланского типа разделены на две весьма близкие одна к другой группы, причем Луврская амфора F 382 отнесена ко второй группе. В нашей статье мы рассматриваем вопрос о датировке первой группы амфор, но продолженная нами датировка в равной мере приложима и к амфорам второй группы, ибо одновременность обеих групп вряд ли может вызвать какие-либо сомнения. Eugen von Mercklin издал еще одну амфору той же группы (*Antiken im Hamburgischen Museum für Kunst und Gewerbe*, «Arch. Anz.» XLIII (1928) 3/4, стр. 310 | 313, № 29,

Ввиду этого мы должны датировать тем же временем¹ и чернофигурную ойнохою Исторического Музея. Такое определение находится в полном соответствии с датой великопелой краснофигурной гидрии² с изображением Гермеса, относящейся ко времени около 470 до н. э., найденной в одном погребении с публикуемой нами вазой.

В. Блаватский

Джафарханский могильник

(Археологические разведки в Муганской степи)

Куро-Араксинская низменность является наименее исследованной в археологическом отношении областью Закавказья. В частности, южная (Муганская) часть этой низменности оставалась до последнего года «белым пятном» на археологической карте Азербайджана.

В связи с этим особый интерес вызвала краткая заметка, появившаяся в 1931 г., о новых археологических находках, сделанных на Мугани, в районе мелиоративных работ³. В 1937 г. во время моей поездки в Муганскую степь удалось установить, что действительно такие находки в погребениях были открыты в 1928—1930 гг. при сооружении главного коллектора у с. Джафархан⁴. Коллектор вскрыл грунт на глубину до 4 метров, перерезав могильник с востока на запад и разрушив большое число погребений. По полученным сообщениям, погребения были в больших глиняных сосудах, в которых, кроме целых скорченных костяков, были обнаружены бронзовые и железные предметы, пастовые и стеклянные бусы и монета, покрытая окисью. К сожалению, все эти находки не сохранились, и видеть их в 1937 г. в Джафархане не удалось⁵.

В результате произведенных тогда обследований установлено, что Джафарханский могильник расположен в 2 км на восток от с. Джафархан, на юг от Сабирабада, в 10 км на юг от железнодорожной станции Сары-Джиляр, на правом берегу р. Аракса, на пространстве, прорезанном главным коллектором, начиная от пункта на 50 м выше устья третьей дрены и кончая 150 м ниже его, в сторону четвертой дрены. Ниже по коллектору на восток находится перекачная станция. Местность, на которой расположен могильник,—ровная, обрабатывается под хлопок и приспособлена для полива. На поверхности никаких внешних признаков могильник не имеет.

рис. 33)], причем автор, воздержавшись от точной датировки, во всяком случае считал дату Лусе'а слишком ранней (*ibid*, стр. 313).

¹ Отметим кстати, что Якобстаем (J a c o b s t a h l, *Ornamente Griechischer Vasen*, Berlin, 1927, стр. 77, табл. 49 в) уже отмечено существование чернофигурной техники в росписях ойнохой еще в 60-х годах V в.

² ОАК, 1891, г., стр. 28 сл.

³ Сообщения ГАИМК, 1931 г., № 2, стр. 37.

⁴ В работе по археологическому обследованию Муганской степи принимал участие ныне покойный А. А. Потапов. Работа выполнена по заданию Закавказского Научно-исследовательского института водного хозяйства. Позднее, в 1941 г., в Музей истории Азербайджана Азфан из южной Мугани были доставлены случайные находки, сделанные на могильном поле близ с. Новоголовка, Астрахан-Базарского района, среди которых особого внимания заслуживают бронзовые и железные мечи и керамика. Краткое упоминание об этих новых находках сделано в статье В. Н. Левиатова (Музей истории Азербайджана Азфан, «Изв. Азфан», 1943 № 6, Баку, стр. 134).

⁵ Сведения эти были мне сообщены работниками Опытной станции Джафархан А. А. Шошиным и М. В. Курушиным.